

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. П. АЛЕКСЕЕВ

НОВОЕ ПИСЬМО ПУШКИНА

В последнем выпуске известного польского историко-литературного журнала «Pamiętnik Literacki», издаваемого Институтом литературных исследований Польской Академии наук, Юлиан Маслянка опубликовал недавно найденное им новое письмо Пушкина¹. Письмо это было обнаружено им в Государственном архиве в Кракове (в Вавеле), в фонде рукописного собрания кшешовицкой ветви рода Потоцких.

Новонайденное письмо Пушкина представляет значительный интерес. Ю. Маслянка приводит его подлинный французский текст (к статье приложен и фотоснимок с автографа), сопровождает его польским переводом и своими пояснениями. В части, относящейся к Пушкину, эти пояснения должны быть значительно пополнены и уточнены, так как автору остался неизвестным ряд русских источников, позволяющих сделать необходимые выводы как относительно обстоятельств, вызвавших данное письмо, так и относительно его последующей судьбы.

Как сообщает Ю. Маслянка, письмо Пушкина, датированное 5 марта 1834 г., написано на листе белой матовой бумаги фабрики А. Гончарова с водяным знаком «1832». Лист сложен пополам; текст поместился на первой странице и на половине другой. Одна страница оборота осталась чистой, а на другой сделана надпись: «List pisany przez Puszkina do Elżbiety Branickiej Hⁿⁱ, a potem Księżnie Michałowej Woronow», т. е. «Письмо, писанное Пушкиным графине Елизавете Браницкой, впоследствии княгине Воронцовой, жене князя Михаила [Семеновича]». В левом верхнем углу письма наклеен архивный знак $\frac{D}{10}$. Письмо хранится в фонде Потоцких под № 145.

В инвентарной охранный описи, вложенной в папку, где хранится самое письмо, имеются некоторые дополнительные данные, позволяющие установить, как оно попало в кшешовицкое собрание Потоцких. В указанной описи, составленной, по свидетельству Ю. Маслянки, задолго до того, как она попала в место своего нынешнего хранения, в рубрике «Содержание» сделана следующая запись: «List pisany do Michałowej z Branickich ks. Woronow., dedykując jej jedną zwa tragedię, т. е. «Письмо, адресованное княгине Воронцовой, из рода Браницких, жене кн. Михаила, с посвящением ей одной из своих трагедий»; здесь же приведена краткая биография Пушкина, а в рубрике «Дар» обозначено: «От жены графа Адама Потоцкого».

Ю. Маслянка кратко поясняет по этому поводу, что указанный автограф Пушкина принадлежал Екатерине Потоцкой (жене Адама Потоцкого), урожденной Браницкой, приходившейся родной племянницей Е. К. Воронцовой. Так как Екатерина Потоцкая была большой любительницей и собирательницей различных памятных вещей и рукописей, то следует предположить, что письмо Пушкина поступило в нее коллекцию непосредственно от ее тетки — Е. К. Воронцовой².

Приводим подлинный текст этого письма с сохранением всех особенностей его орфографии и пунктуации:

¹ Julian Maślanka, Nieznany list Puszkina, «Pamiętnik Literacki», rocznik XLVII, zeszyt 1, Warszawa — Wrocław, 1956, стр. 179—188.

² J. Maślanka, указ. статья, стр. 180—181. В дополнение к этим сведениям укажем, что Адам Потоцкий (1818—1872) был женат на Екатерине Браницкой (дочери Владислава Браницкого, генерал-адъютанта Александра I и сенатора) с 1847 г.; после событий 1846 г. в Галиции и женитьбы он жил преимущественно в своем родовом поместье Кшешовицах, расположенном в 15 км от Кракова, где первоначально и хранилось письмо Пушкина. Сестра Екатерины Браницкой (Потоцкой) в 1843 г. вышла замуж за польского поэта Зигмунта Красиньского, а ее брат Ксаверий был одним из участников «кружка шестнадцати», известного из биографии Лермонтова; впоследствии он финансировал «итальянский (польский) легион» Мицкевича и «Трибуну народов» (1848—1849), был близок к Герпену и Бакунину (см. Т. Z u c h l i ń s k u, Złota księga szlachty polskiej, rocznik I, Poznań, 1879, табл. II, Potoccy; см. также rocznik XIV, стр. 45). Обратим внимание также на то, что так как во всех охранных

Madame la Comtesse

Voici quelque scènes d'une tragédie que j'avais l'intention d'écrire. J'avais désiré mettre à vos pieds quelque chose de moins imparfait; malheureusement j'avais déjà disposé de tous mes manuscrits, et j'ai mieux aimé avoir tort envers le public que de ne pas obéir à vos ordres.

Oserai-je, Madame la Comtesse, vous parler du moment de bonheur que j'ai éprouvé en recevant votre lettre, à l'idée seule que vous n'avez pas tout-à-fait oublié le plus dévoué de vos esclaves?

Je suis avec respect,

Madame la Comtesse,

Votre très humble et très
obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine

5 mars

1834

Petersbourg

Перевод:

Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел положить к Вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукописями, но предпочел провиниться перед публикой, чем ослушаться Ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при одной мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов?

5 марта

1834

Петербург

Остаюсь с уважением, графиня,
Вашим нижайшим и покорнейшим слугой
Александр Пушкин

Таким образом, перед нами поэма, несомненно подлинное письмо Пушкина, являющееся притом первым и, вероятно, единственным, сохранившимся из его переписки с Е. К. Воронцовой, что придает ему особый интерес. Юлиан Маслянка в самых общих чертах (впрочем, но устаревшим или недостаточно достоверным источникам) знает историю отношений Пушкина к жене его одесского начальника, о чем он и рассказывает в комментариях к опубликованному им письму; ему, однако, осталось неизвестным то письмо к Пушкину Е. К. Воронцовой, непосредственным ответом на которое явилось новооткрытое им письмо поэта.

В пушкинской литературе это письмо Е. К. Воронцовой из Одессы от 26 декабря 1833 г. известно уже более полувека, но изучение его подвигалось медленно, встретив ряд затруднений и вызвав множество предположений, из которых иные впоследствии не подтвердились, и догадок, ожидавших еще дальнейших архивных разысканий. Найденное ныне ответное письмо Пушкина вносит известную ясность во всю эту историю обмена письмами между Е. К. Воронцовой и Пушкиным в конце 1833 и начале 1834 г. и способствует лучшему пониманию тех содержащихся в этих письмах намеков и указаний, которые еще не были объяснены вполне удовлетворительно.

Письмо к Пушкину из Одессы от 26 декабря 1833 г. на французском языке впервые опубликовал И. А. Шляпкин³. Подпись, стоящая под этим письмом, неразборчива; И. А. Шляпкин предположительно читал «Вибельман», заподозрив здесь умышленное искажение или даже анаграмму слова «belvétrole», шутливого прозвища, данного Пушкиным Е. К. Воронцовой. Догадка И. А. Шляпкина, что автором указанного письма была Е. К. Воронцова, зашифровавшая свою подпись, долго оспаривалась⁴; лишь в 1936 г. произведен был тщательный графический анализ почерка

записях, приведенных выше, Е. К. Воронцова именуется княгиней, а не графиней, эти записи не могли быть сделаны ранее 1854 г., когда граф М. С. Воронцов получил княжеский титул.

³ И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, СПб., 1903, стр. 185—189; перепечатано в издании «Переписка» Пушкина под редакцией В. И. Саитова (т. III, СПб., 1911, стр. 70—71) как письмо от «неизвестного лица».

⁴ И. А. Шляпкину возражали П. Е. Щеголев, В. В. Сиповский и др. П. А. Ефремов выдвигал предположение, что автором письма была Е. Вельтман (литературу вопроса см. у Н. О. Лернера — «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 297). З. А. Бориневич-Бабайцева высказала догадку («Пушкин и одесские альманахи» в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы», изд. Одесского Дома ученых, вып. II, Одесса, 1926, стр. 61—62), которая в то время представлялась правдоподобной и мне (см. сводку фактических данных об отношениях Пушкина и Е. К. Воронцовой в «Словаре одесских знакомых Пушкина» в том же сборнике, вып. III, Одесса, 1927, стр. 34—44), что автором письма была Р. С. Эдлинг.

этого письма, подтвердивший, что оно действительно написано рукой Е. К. Воронцовой⁵.

Непосредственным поводом для этого письменного обращения Е. К. Воронцовой к Пушкину явилась конкретная просьба — принять участие в литературном альманахе «Подарок бедным», который затевался в конце 1833 г. в Одессе «Новороссийским женским благотворительным обществом призрения бедных». Председательницей этого общества являлась Е. К. Воронцова, а в составе членов его совета было еще несколько лиц, которых Пушкин знал в одесский период своей жизни⁶. Несмотря на более или менее официальный характер своей просьбы, передававшей поэту не только по ее личной инициативе, но и от имени одесского благотворительного общества, Е. К. Воронцова написала Пушкину дружеское письмо, полное своеобразного лиризма; за светскими комплиментарными фразами угадывается ее подлинное, искреннее отношение к великому поэту, сквозит воспоминания о некогда связывавших их узах дружеского расположения и приязни.

«Право не знаю, должна ли я писать Вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой, или же тем скачущим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора. — Я опасаясь этого проявления чувства любопытства и безразличия, весьма, конечно, понятного, но для меня, признаюсь, мучительного по той простой причине, что никто не может отнестись к себе беспристрастно. Но все равно; меня побуждает не личный интерес: благодеяние, о котором я прошу, предназначено для других, и потому я чувствую в себе смелость обеспокоить Вас; не сомневаюсь, что Вы уже готовы выслушать меня».

Говоря далее о крайней бедности, угнетающей в последние годы жителей губернии и Одессы, — того «города, в котором Вы жили и который благодаря Вашему имени войдет в историю», — Е. К. Воронцова извещала Пушкина о решении совета общества издать литературный альманах с благотворительной целью. По ее словам, уже много людей стараются обеспечить участие в этом альманахе виднейших литературных деятелей, чтобы сделать «подарок бедным» «более богатым» и обращаются по этому поводу к нашим «литературным светилам». «Могу ли я, — прибавляла Воронцова, — не напомнить Вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминания о которых Вы, может быть, еще сохранили, и не попросить Вас в память этого о поддержке и покровительстве, которые мог бы оказать Ваш выдающийся талант нашей «Подбирательнице колосцев». — Будьте же добры не слишком досадовать на меня и, если мне необходимо выступать в защиту своего дела, прошу Вас, в оправдание — моей назойливости и возврата к прошлому, принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости, и что ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству»⁷.

Еще до того, как оглашены были результаты графической экспертизы этого одесского письма к Пушкину, окончательно установившей авторство Е. К. Воронцовой, опубликован был еще один интересный документ из личных бумаг поэта — счет, представленный Пушкину книгопродавцем. А. Ф. Смирдиным, в котором есть следующая запись от 19 марта 1834 г.: «За письмо в Одессу отдано 4 р. 50 к.». Опубликовавший этот документ Ю. Г. Оксман⁸ с полным основанием поставил его в связь с теми заключительными строками указанного выше письма Е. К. Воронцовой к Пушкину, в которых говорилось: «Я скоро уезжаю в Киев и прошу Вас, если вы удостоите меня ответом, послать Ваше письмо и милостью бедным Одессы г-же Зонтаг (Анне Петровне) через Вашего книгопродавца Смирдина, с которым она в переписке»⁹. Исходя из это-

⁵ Е. Б. Чернова, К истории переписки Пушкина и Е. К. Воронцовой, «Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, М.—Л., 1936, стр. 336—339.

⁶ Состав совета «Новороссийского женского благотворительного общества» см. в «Новороссийском календаре», изд. П. М., Одесса, 1835. Сюда входили Р. С. Эдлинг (вице-председательница), О. С. Нарышкина (урожденная Потоцкая), Каролина Сабанская, А. П. Зонтаг, Е. В. Шемидт и др.

⁷ Цитирую по академическому изданию переписки Пушкина, где это письмо Воронцовой напечатано под № 868 (по сверке с подлинником, хранящимся в Пушкинском доме). А. С. Пушкин, Полное собр. соч., Изд-во АН СССР, т. XV, М.—Л., 1948, стр. 101, 320—321.

⁸ Ю. Г. Оксман, К истории библиотеки Пушкина, «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 447.

⁹ Анна Петровна Зонтаг (1785—1864), рожденная Юшково, племянница Жуковского, была замужем за Е. В. Зонтагом, служившим в черноморском флоте. Пушкин хорошо ее знал еще в период своей одесской жизни, притом и как писательницу (ср. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 20 декабря 1823 г.). По отзыву одесского литератора, А. П. Зонтаг в 30-е годы считалась «главной представительницей одесской беллетристической деятельности, имеющей литературную известность» («Одесский альманах на 1840 г.», стр. 30). Характеристику ее как писательницы представил И. В. Киреевский в статье «О русских писательницах», напечатанной в том самом альманахе «Подарок бедным» 1834 г., участвовав в котором приглашался Пушкин. В качестве известной писательницы А. П. Зонтаг несомненно принимала ближайшее участие в издании указанного альманаха, почему Е. К. Воронцова и предлагала Пушкину переслать рукопись именно ей; к тому же А. П. Зонтаг являлась

го сопоставления Ю. Г. Оксман заключал: «Публикуемая нами запись А. Ф. Смирдина позволяет установить, что Пушкин на обращение к нему Е. К. Воронцовой откликнулся. Возможно, что вместе с письмом послана была им для альманаха какая-нибудь рукопись. Однако, поскольку «Подарок бедным» был 8 марта 1834 г. подписан уже цензурой к выходу в свет, запоздавшая рукопись Пушкина вместе с письмом осталась в до сих пор не найденных бумагах его корреспондентки»¹⁰.

Найденное в архиве Потоцких письмо Пушкина и есть то самое, существование которого предположил Ю. Г. Оксман. Подтвердилась также его догадка, что вместе с ответным письмом Е. К. Воронцовой Пушкин послал для альманаха «Подарок бедным» какую-то рукопись. Новонайденное письмо Пушкина вносит большую ясность в вопрос о том, что эта была за рукопись, но, к сожалению, не устраняет до конца возникающих в связи с этим недоумений.

«Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать», — сообщал Пушкин Е. К. Воронцовой. Эти слова неопровержимо свидетельствуют, что Пушкин мог иметь в виду только такое свое драматическое произведение, которое оставалось незавершенным или даже заброшенным («имел намерение...») к марту 1834 г. К этому времени у Пушкина оставалось в рукописях, помимо ряда фрагментов и неотделанных черновиков, не так много драматических «сцен», которые он согласился бы отдать в печать, хотя именно к середине 30-х годов интерес его к драматургии не только не ослабевает, но даже возобновляется — Пушкин снова возвращается к замыслам большой пьесы на историко-социальную тему. Однако к началу 1834 г. ни один из этих замыслов не получил еще своего литературного воплощения («Сцены из рыцарских времен», над которыми работа останавливалась в 1835 г., находились еще в первоначальных набросках). Повидимому, единственными «сцен-ми» из незаконченной и «заброшенной» драмы могли быть пять сцен и начало шестой из «Русалки», написанных в 1829—1832 гг., переделанных приблизительно за два года до интересующего нас ответного письма к Е. К. Воронцовой (дата в конце сцены в белой рукописи 17 апреля 1832 г. свидетельствует, что, по всей вероятности, весь текст пьесы был переписан в апреле 1832 г.)¹¹.

Прежде чем строить дальнейшие предположения по этому поводу, было бы крайне важно прояснить дальнейшие разыскания в том же архиве Потоцких, где могли сохраниться следы, которые привели бы нас к исчезнувшей рукописи. Почему эта рукопись не попала к Екатерине Потоцкой вместе с переданным ей Е. К. Воронцовой сопроводительным письмом поэта? Удержала ли Е. К. Воронцова эту рукопись у себя или же она осталась у членов редакции литературного альманаха, для которого предназначалась, например в бумагах А. П. Зонтаг? Если рукопись оставалась у Е. К. Воронцовой, почему она не была обнаружена в архиве Воронцовых, описание которого производилось еще в прошлом веке, в частности П. И. Бартевым? Если Екатерина Потоцкая проявила интерес к автографическому письму Пушкина, долго хранившемуся в ее собрании, то чем объясняется, что она не получила от Е. К. Воронцовой сопровождавшую это письмо рукопись?¹² Эти и многие другие вопросы, естественно, возникают у исследователя, стремящегося восстановить во всех подробностях историю новонайденного письма Пушкина. К сожалению, они остаются пока без ответа и требуют дополнительных поисков и разысканий.

Высказанное впервые Ю. Г. Оксманом предположение, что рукопись, посланная Пушкиным в Одессу через А. Ф. Смирдина лишь 19 марта 1834 г., опоздала и поэтому не могла быть напечатана в альманахе, представляется вполне правдоподобным. «Подарок бедным», по современному свидетельству, должен был выйти «непременно к масленице»¹³, что и было выполнено издателями с небольшим, повидимому, опозданием: цензурное разрешение на его выпуск в свет дано было 8 марта 1834 г.; Пушкин же ответил Е. К. Воронцовой 5 марта, в первый день великого поста. Последний день масленицы — 4 марта, — в этом году особенно шумной, сопровождавшейся балами и светскими развлечениями, — отмечен и в дневнике Пушкина¹⁴. Относительно обилия балов в зимний сезон 1834 г. и особенно на масляной неделе Пушкин тогда же писал П. В. Нащокину¹⁵. Очень вероятно, что именно рассеянная светская жизнь, которую

видной деятельницей одесского женского благотворительного общества, выпускавшего этот альманах. Прибавим еще, что Зонтаг жила по соседству с Воронцовыми и часто с ними видалась (см. «Словарь одесских знакомых Пушкина», стр. 53—55, где приведена и литература вопроса).

¹⁰ Ю. Г. Оксман, указ. статья, стр. 447.

¹¹ Пушкин, Полное собр. соч., т. VII, Изд-во АН СССР, Л., 1935, стр. 621.

¹² Отметим, что в постскриптуме письма Е. К. Воронцовой к Пушкину сообщается о ее безуспешных, несмотря на все старания, розысках интересовавшей Пушкина рукописи Яна Потоцкого (см. по этому поводу в статье В. Г. Чернобаева «К истории наброска «Альфонс садится на коня», «Временник Пушкинской комиссии», вып. 4-5, Л., 1939, стр. 405—416). Это указание приобретает новый смысл в связи с нахождением письма Пушкина в кшешиевском архиве Потоцких.

¹³ «Русский библиофил», 1916, № 5, стр. 20.

¹⁴ Пушкин, Полное собр. соч., Изд-во АН СССР, т. XII, 1949, стр. 320.

¹⁵ Там же, т. XV, стр. 117.

Пушкин вел в зимние месяцы, помешала ему ответить на письмо Е. К. Воронцовой от 26 декабря 1833 г. ранее чем 5 марта следующего года, т. е. лишь два месяца спустя.

Вполне понять письмо Пушкина можно лишь в сопоставлении с тем письмом, ответом на которое оно служит. Стоявшая под одесским письмом неразборчивая подпись не затруднила Пушкина; содержащиеся в письме приглушенные воспоминания о былом и апелляции к старой дружбе были столь понятны и оправданы. В безупречном по своей светскости ответном письме Пушкина сквозь комплиментарные фразы и привычные стилистические формулы также просвечивает нечто большее, чем вынужденный ответ «докучной» просительнице. Интересно, что месяц спустя, записывая в своем дневнике (8 апреля 1834 г.) слышанные им от Болховского злые отзывы об одесской жизни и сплетни о М. С. Воронцове, Пушкин отмечает: «Хвалит очень графиню В<оронцову>»¹⁶.

¹⁶ Пушкин, Полное собр. соч., Изд-во АН СССР, т. XII, стр. 324—325.